

Паша Уральский

БРАТ СМОТЯЩЕГО

Паша Уральский Брат Смотрящего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40650434

ISBN 9785449628244

Аннотация

Основано на реальных событиях. Осиротевший подросток Саша попадает в приют, откуда его вскоре забирает освободившийся из тюрьмы старший брат. Идиллия прекращается, когда в доме появляются суровые люди, называющие старшего брата – «Смотрящим». История нелегкой судьбы, развернувшаяся на Среднем Урале в период 2003—2004 годов. Блатные понятия все еще в ходу. Разгул криминала и бездействие милиции. Главный вопрос – на чьей ты стороне? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«СМОТРЯЩИЙ»	5
Оглавление	6
Глава 1 «СЧАСТЬЕ»	10
Трасса Екатеринбург – Железно-Уральск, наши дни	10
г. Железно-Уральск, 2003 год	12
Глава 2 «ПРОПИСКА»	18
Глава 3 «КУЗЯ»	29
Трасса Екатеринбург – Железно-Уральск, наши дни	37
Глава 4 «СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ»	38
г. Железно-Уральск, 2003 год	38
Трасса Екатеринбург – Железно-Уральск, наши дни	46
г. Железно-Уральск, 2003 год	48
Глава 5 «БЕСПРИЗОРНИКИ»	51
г. Железно-Уральск, 2003 год	51
Глава 6 «ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ»	63
г. Железно-Уральск, 2003 год	63
Глава 7 «ОЗЛОБЛЕННОСТЬ»	76
г. Железно-Уральск, 2004 год	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Брат Смотрящего

Паша Уральский

Дизайнер обложки Павел Жиряков

Редактор Яна Викторовна Антипина

© Паша Уральский, 2019

© Павел Жиряков, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-2824-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«СМОТРЯЩИЙ»

На тюремном жаргоне – уголовный авторитет, который уполномочен решать вопросы, отнесённые к ведению воров, и отвечающий за ситуацию в отдельных районах города, в лагерях – в отрядах, в тюрьмах – в камерах. «Смотрящий» занимается урегулированием конфликтов в уголовной среде, распоряжается «общаком», а также отвечает за его непосредственное формирование.

«Смотрящий» назначается «воровской кастой» или воров в законе.

Оглавление

ПРОЛОГ

Я родился в 80-х, и что такое лихие 90-е, я видел, пусть детскими, но все же своими глазами. Многие сейчас подумают – о, бля! Нашелся еще один умник из разряда «серьезные парни из 90-х... – 1999 года рождения», которые ничего знать не знают, а пяткой в грудь колотят, что они все повидали. Но жестокая действительность в том, что пусть мы и не бегали с оружием по улицам, но все же были свидетелями той эпохи, и этого у нас не отнять.

90-е – это когда по пути в школу натыкаешься на застывшую лужу крови в снегу, или на стреляные гильзы от пистолета, которые ты выменяешь у друга на гильзы от автомата.

90-е – это прийти в школу и узнать, что у одноклассника ночью в постели застрелили папу-коммерсанта, когда они мирно спали. Бандиты разбили оконную раму березовой чуркой и спокойно вошли в дом, потребовав платить дань. Что-то пошло не так, и папу застрелили, а деньги отдавала уже мама, перешагивая через труп папы.

90-е для меня – это полная жуть с разборками, драками стенка на стенку и, конечно же, убийствами. Тогда это казалось какой-то обыкновенной нормой – слушать очередную историю о том, что вновь кого-то убили. Мы росли, наблю-

дая за этими событиями, и впитывали все, словно губка. Наше поколение было выращено на удобрении под названием «НАСИЛИЕ».

И когда сегодня я вижу современную сытую молодежь, обеспеченную тем, о чем мы могли только мечтать, у меня в душе вовсе не зависть, а, наоборот, радость, от того, что все наконец-то закончилось. Тебя больше не порежут в электричке за фирменные кроссовки! Уже не модно «предъявлять за шмот». Сегодня, ребята, наступило другое, относительно спокойное время.

Но прежде чем оно наступило, было еще и наше, так называемое «переходное поколение», выращенное в 90-е. На дворе было начало 2000-х, и мы хотели, я бы даже сказал – стремились быть похожими на «братков». Было модно прославиться «отморозком», все проблемы решались только силовым методом. Мы делали все с оглядкой на старших братьев, ведь они уж точно знают, как правильно жить, и плохого не посоветуют.

Именно этим событиям посвящается этот рассказ. Это было очень непростое время, когда разруха 90-х уже прошла, а нормальная жизнь еще не наступила.

В одно прекрасное утро какая-то поганая сука распространила в школе первые тюремные понятия, и они мгновенно прижились. Теперь повсюду звучал блатной жаргон и все, как послушные бараны, стали чтить эти абсолютно идиотские правила, а любой, кто пытался им противостоять, был

жестоко наказан.

Тюремные понятия среди подростков превратились в некую религию, и она, словно вирус гриппа, распространилась сперва по школе, а затем, как эпидемия, по всему городу. Немного позже случится переосмысление ценностей, и мы жестоко разочаруемся в своих стремлениях. Будет поломано множество судеб и жизней, но это будет намного позже.

Написать рассказ меня подтолкнула случайная, но очень важная встреча с главным героем этих событий. В то рождественское утро я из Екатеринбурга отправился в родной городок по личным делам. Вот так, просто и незамысловато, в одном салоне авто я оказался с парнем по имени Саша. По дороге у нас завязался долгий и очень насыщенный разговор. Именно там я и узнал все детали этой невероятной истории.

Вопросов оставалось еще, конечно, много, и чуть позже я отдельно встретился с другими участниками этих событий, которым посчастливилось остаться в живых или на свободе.

Никто из них не догадывался, зачем я расспрашиваю их о минувших подвигах, но чем больше я узнавал, тем страшнее было это писать – слишком серьезные могут быть последствия.

Именно поэтому я решил прибегнуть к обыкновенному фокусу и предварительно изменил имена всех героев, а также места событий. И если вы меня спросите, была ли

эта история на самом деле, я отвечаю, что все выдумал: так будет безопасней для всех.

Итак, в рождественское утро наш автомобиль двигался из Екатеринбурга в сторону Железно-Уральска. Вы, должно быть, возразите – эй! Но ведь Железно-Уральска не существует! Все верно, мой друг, потому что я все выдумал...

Глава 1 «СЧАСТЬЕ»

Трасса Екатеринбург – Железно-Уральск, наши дни

Впереди на пассажирском сиденье легкового автомобиля сидел крепкий мускулистый парень по имени Саша. Мы очень быстро разговорились, и тут выясняется, что у нас много общих знакомых, что он мой ровесник, и ходили мы всегда по одним и тем же районам. Но как так вышло, что за десятилетия проживания в небольшом городке мы так ни разу не встретились, точнее говоря, не познакомились? Ответ на этот вопрос я получу чуть позже.

– Мы наверняка где-то пересекались в одних компаниях! – сокрушался Саша.

Действительно, наш город слишком маленький, но его я абсолютно не мог вспомнить. И вот тут он заявляет:

– Князев моя фамилия! Может, слышал?

В этот момент в голове мелькнули обрывки воспоминаний.

– Князев? Что-то знакомое... Точно! У нас в городе был авторитет с такой фамилией, «Князь» – погоняло.

Саша утвердительно кивнул головой:

– Ага, это мой брат.

Вот тут меня словно молнией ударило, у «Князя» был брат?

Передо мной сидел прямой свидетель истории, которую я слышал сотни раз, которую передавали из уст в уста, но доподлинно всех обстоятельств не знал никто, и вот – редкая удача!

Сам брат «Князя» сидел рядом со мной, и я не мог упустить возможности обо всем его расспросить. И обычно люди в таких обстоятельствах неохотно делятся таким личными историями, но Саша оказался потрясающим рассказчиком, за что ему отдельное спасибо.

– Это очень длинная история, я даже не знаю, а с чего ее начать?

– Начинай лучше сначала, а за длительность не переживай – дорога у нас неблизкая, заодно время уьем!

Я приготовился жадно слушать, а Саша крепко задумался, пытаюсь вспомнить, с чего же все началось.

– Думаю, стоит начать с того, что в один из дней, когда мне было 16 лет, я внезапно осиротел и остался совсем один, поэтому из родной деревни меня отправили в Железно-Уральский приют.

г. Железно-Уральск, 2003 год

Ранним летним утром меня привезли в детскую городскую больницу на милицейском уазике. С нами была целая комиссия из социальных служб, органов опеки и, естественно, менты из ПДН. Вот это скопище людей коллективно решило, что теперь мне предстоит отправиться в приют с приятным для слуха названием «Счастье». Но, прежде чем туда попасть, мне положено было пройти карантин в больничке, чтобы проверить состояние моего здоровья.

Я сидел в коридоре и ждал, пока комиссия передаст документы заведующему. Вот тогда я впервые увидел странных по виду ребят. Они сильно отличались от обычных обитателей детской больницы: все какие-то лысые, лица дикие, и одеты одинаково. Эти ребята вели себя смело, дерзко и ничего не стеснялись. Один из них подскочил к водителю милицейского уазика и буднично произнес:

– Дядя, дай сигаретку!

За такие слова в моей деревне он бы сразу выхватил леща по башке от любого взрослого, а тут мужик спокойно достал пачку и протянул ему сигарету. Мальчишка тут же поразил меня еще больше:

– Дядь, дай лучше две, нас в палате много...

Для меня это была тогда настоящая дикость. Мент угощает ребенка сигаретами на глазах комиссии, и всем было на-

плевать, да и сам паренек меня удивил немало. Он по-хозяйски осмотрел свои владения и, признав во мне новенького, быстро подскочил со странными вопросами:

– Привет, а тебя как зовут? А где у тебя мама с папой? Ты же к нам в приют потом поедешь, да?

Этого разговорчивого паренька звали Миша, и было ему аж целых 16 лет, но по внешнему виду ему было лет 13, не больше. Это я потом узнал, что у многих ребят из неблагополучных семей идет серьезная задержка в развитии, поэтому определить их возраст визуально порой крайне сложно.

Со слов Миши я узнал, что в больнице полно ребят из приюта – их сюда частенько ссылали, если кто-то из них начинал чем-то болеть. Ведь проще изначально изолировать одного человека, чем ждать, пока он заразит остальных.

А тем временем заведующий определил меня в шикарную (по местным меркам) двухместную палату. Спустя час туда заселили одного «домашнего» мальчишку. Так называли тех, у кого были родители и кто проживал дома в благополучной семье. Звали этого пиздюка Виталиком, на вид лет десяти, не больше, худенький, скромный такой, и, вроде, к рассказу он не имеет никакого отношения, но именно с него все и началось.

Ужин в больничке в 18:00, и в следующий раз кормить будут только утром, а до отбоя еще так далеко и голодно. И если «домашним» ребятам родные всегда присылали продук-

ты, то приютским об этом приходилось только мечтать. Вот отсюда и начинался первый камень преткновения. Я гулял по коридору, когда услышал крики своего соседа по палате:

– Не трогай! Это мое!

Виталья стоял посреди палаты, растирая слезы по щекам, а в это время по тумбочкам вовсю шарились какие-то парни.

– Да ладно, Виталья, с тебя не убудет же! – приговаривал один из «разводящих».

Я, может, и не отреагировал бы на эту ситуацию, но они попутно рылись и в моих вещах, а это уже залет высшей категории.

– И хуле вы там потеряли?

Мой голос заставил их остановиться. Они оглянулись, и, никак не отреагировав, продолжили свое дело. Тут стоит отметить, что мои вещи – это все, что осталось у меня от прежней жизни, это единственная память о моем доме, и за их сохранность я был готов буквально убивать, поэтому численный перевес меня никак не испугал.

Я силой толкнул ногой парня, что рылся в моей тумбочке, и он тут же звонко ударился башкой об панцирную кровать. На мгновение все замерли, и следом раздался страшный вой. Парень, схватившись за голову, взревел, как раненный зверь. Он буквально валялся на полу и громко плакал! Я был готов ко всему, но только не к этому! Весь состав мародеров ломанулся прочь из палаты, и куда бы вы подумали? К дежурному врачу!

Я даже не успел сообразить, что происходит, как вдруг в палату врывается злая бабища в белом халате и начинает орать во все горло, какой я безобразник, а за ее спиной стоят эти суки и тыкают на меня пальцем со словами:

– Это он драку устроил! Первый приставать начал! Это он, мы все видели!

Этот ловко спланированный цирк позже не раз будет выручать меня самого, а в тот вечер я впервые познакомился со своим будущим коллективом.

Любые попытки доказать, что жертва здесь – я, ни к чему не привели. Бабища твердо стояла на стороне приютских ребят и слушать не желала мои оправдания. Я только позже сообразил, почему врачи применяют именно эту тактику поведения. Ведь сирот наказать в принципе невозможно, куда ты пожалуешься? Что ты им сделаешь? Они завтра утром в побег сорвутся, и твоя жопа будет гореть синим пламенем, такие проблемы никому даром не нужны. Именно поэтому проще оказать давление на «домашних», так сказать, вынудить их к примирению. Вот только я уже не был «домашним», а приютским я еще не стал. В тот момент я был сам по себе, а это, без преувеличения, самый нестабильный и опасный контингент.

Как только дежурная узнала, кто я такой, она быстро сменила гнев на милость и уже по-отечески дала первый урок:

– А давай жить дружно? (гениально, блять! Да она бог дипломатии!).

Я не считал себя крутым, но для Виталика в тот вечер я стал настоящим героем, и до конца своего пребывания в больничке он постоянно делился со мной всем, что у него было.

На следующее утро после завтрака ко мне подошел тот самый разговорчивый паренек Миша. Он предложил выйти на лестничные пролеты. Негласно это место считалось курилкой. Охуенная детская больница, правда? Там я повстречал вчерашних мародеров, и сначала подумал, что сейчас они будут меня бить, но все вышло немного иначе. Миша закурил сигарету, с ухмылкой глядя на меня снизу вверх, и задумчиво спросил:

– Ногами, значит, махать любишь? Крутой, значит?

– А в чем, собственно, проблема?

– Проблема в тебе, новенький. Ты еще не понял, куда попал? Вот, полюбуйся видом из окна – через дорогу от больницы тот самый приют «Счастье», где тебе придется жить с нами очень-очень долго. С нами дружить надо, а ты с первых дней ногами машешь, как циркулем, нехорошо так делать, понимаешь?

Я пытался оправдаться и объяснить, что защищал свои вещи, но меня будто никто не слышал. По их мнению, я оказался нехорошим беспредельщиком, и за мой поступок мне придется держать ответ, но не в больничке, а в приюте, а вот это уже пахивало крупными неприятностями. Эти ребята меня больше не трогали, но с того дня они не упускали

возможности напомнить о скорой расплате. Это создавало очень гнетущее ощущение. Представьте: вам больше некуда идти, и вас больше никто и нигде не ждет, а тут параллельно тебе каждый день шипят в спину:

– Молись, новенький, в приюте тебе пизда!

Глава 2 «ПРОПИСКА»

Вскоре из больницы выписали Виталика, и я остался в палате совсем один. Другие «домашние» со мной дружить не спешили, а приютские точили на меня зуб, абсолютно этого не скрывая. В тот момент я для себя твердо решил, что, если все будет туго, то устраю побег. Я понятия не имел, куда бежать, но элементарная мысль свалить в другой приют мне казалось очень даже заманчивой.

Я уже не помню, сколько дней провел в больнице, но хорошо запомнил первый день в приюте. Это было типовое двухэтажное здание детского сада советского образца из железобетонных блоков, вот только вместо детского сада там был приют для детей-сирот.

Меня завели в кабинет, где уже заседала куча женщин. Они тут же стали докладывать все сведения обо мне в сторону директора. Эта была пожилая женщина с добрым лицом, что немного вселяло спокойствие. На душе полегчало – все-таки, здесь не гестапо. Они говорили обо мне, при этом не обращая на меня никакого внимания. Создавалось ощущение, что меня пытаются продать, словно негра на ярмарке. Типа, «посмотрите на его здоровые зубы и сильные ноги, этот ниггер будет хорошо работать в поле!» Ну, во всяком случае, мне казалось, что все выглядело примерно так.

Директор взяла бумаги и, не поднимая головы, досадно

произнесла:

– Ни отца, ни матери?

Вот тут одна из женщин возразила:

– У него, кстати, есть старший брат!

Директор впервые посмотрела на меня и с удивлением спросила:

– А почему про его старшего брата ничего в документах не указано?

В этот момент все изумленно уставились на меня. Ну наконец-то, первая встреча глазами! Здравствуйтесь вам!

Какая-то женщина начала копошиться в бумагах и стала объяснять:

– Дело в том, что он не родной, а сводный, и он сейчас отбывает очередное наказание в исправительной колонии. – После небольшой паузы она тихо добавила: – Судя по бумагам, он рецидивист...

Весь состав комиссии разом выдохнул:

– А-а-а-а! Уголовник, значит?

Вот тут следует сделать небольшое отступление и немного поведать о сводном брате. Был он мне родным по отцу, и видел я его еще в совсем юном возрасте, но письма, помнится, он писал домой исправно, да что толку? Когда отца не стало, то домой он заглядывал крайне редко, и я его почти не видел. Но, в условиях сложившихся обстоятельств, был он мне единственным близким по крови человеком, роднее его никого осталось. И, как вы уже поняли, пользы от этого было

крайне мало – никто из комиссии даже в мыслях не допускал факт, что брат-рецидивист мне сможет чем-то помочь, он же потерянный для общества человек.

Процедура знакомства закончилась тем, что мне объяснили свод простых правил из разряда:

– С этого дня приют – твоя семья, и здесь мы все делаем сообща, все друг друга уважают и слушаются старших... Бла-бла-бла...

Но вот что мне запомнилось больше всего, так это финальное напутствие директора:

– Запомни: тебя здесь никто не держит, и если будешь нарушать дисциплину или устроишь побег, мы за тобой бегать не будем, а молча сдадим тебя в областной спецприемник, а оттуда поедешь в исправительную школу для трудных подростков.

Этот расклад в корне менял дело. Кто же не слышал про закрытую школу-интернат? По сути, обыкновенная тюрьма для детей, правда, режим там помягче. Но одних только слухов о том, что там творится, хватало, чтобы усмирить любого подростка-хулигана. В это заведение никто не желал попадать, а я уж тем более.

После небольшой экскурсии и разъяснений правил, а также распорядка дня, меня привели на второй этаж и объявили, что здесь живут мальчики. Группа пребывания была точно такой же, как в обыкновенном детском саду: был игровой зал, большой туалет и отдельная спальная комната. Мне

выделили койку у самой двери, и это считалось очень плохим местом, ведь любой, кто будет ночью выходить попить, поссать, посрать, и так далее, будет проходить возле меня. Нормального сна в таком месте точно не будет.

Я раскладывал свои вещи в тумбочке, когда услышал знакомый голос:

– Ну что, новенький, уже заселился, да?

Это был Миша, предводитель мародеров из больницы. На его лице всегда была ухмылка, даже если повода для смеха не было вовсе.

– Сегодня ночью лучше не ложись спать, будем тебя «прописывать».

Эти слова прозвучали, как настоящий приговор. Надо отдать должное моему хладнокровию – я вообще никак не отреагировал на его угрозы, но внутри меня все сжалось. Да что там говорить, моя задница сжалась так, что даже швейная игла туда не пролезла бы ни под каким давлением, но виду я не показал.

Начались томительные часы ожидания. День никак не хотел заканчиваться, я был морально подавлен, ведь новый коллектив принимал меня враждебно. И только во время ужина я обратил внимание, что вокруг меня одни дети и эта жалкая банда мародеров. Стоп, а где остальные хваленые отморозки?

Смутное сомнение закралось в мою душу. Я ожидал увидеть злую банду нацистов-садистов, а на деле была какая-то

требуха. Я вежливо поинтересовался, а весь ли состав сегодня присутствует на ужине?

– Да, больше никого не будет, все перед тобой, – сказала воспитатель. После этих слов у меня с души словно камень свалился, сразу стало легче дышать. Так тут и пиздить-то некого! А эту банду мародеров я вовсе не боялся. Не спорю, что их было больше и они все равно могли меня задавить количеством, но сам факт того, что я уже имел дело с этими «товарищами», вселял в меня уверенность.

В рот погружалась очередная ложка с кашей, а в голове варились мысли. «Так, того парня, что я ударил ногой, бояться не стоит, он прыгать не будет, а дрищеватого Мишку я устелю с одного удара. Но что делать с остальными? Сил на всех у меня явно не хватит».

Дабы урезонить вопрос окончательно, я решил немного подстраховаться – так сказать, подготовиться к встрече. После ужина я нашел в туалете сложенные кухонные табуретки, откуда скрутил одну ножку и спрятал ее под матрас своей кровати. И если вы подумали, что я был хладнокровным и крутым, то вы ошибаетесь – меня трясло, будь здоров, вот только отступать было некуда.

После 23:00 по команде наступил отбой, и ночной воспитатель (по сути, он же сторож) в лице пожилой тучной женщины погасила свет в зале и ушла к другому воспитателю на первый этаж, смотреть телевизор. Естественно, никто еще не спал, и многие крутились в своих постелях, а я судорож-

но пытался вслушиваться в темноту, ведь сейчас они должны что-то предпринять. Шло время, но ничего не происходило. В какой-то момент я даже подумал, что, авось, пронесло, как вдруг в тишине раздались предательские шлепки босых ног по линолеуму. Сердце бешено заколотилось. Ну вот оно, сейчас начнется!

Я засунул руку под матрац и крепко сжал ножку от табуретки и вдруг вижу, что мимо меня проходит ребенок. Оказывается, маленький пиздюк пошел по малой нужде – во всяком случае, мне так показалось.

Черт возьми! Какое же у меня неудобное спальное место! Так ведь и до утра придется подсакивать в ожидании нападения.

Но, трезво оценив ситуацию, я пришел к выводу, что утренние угрозы – это банальный блеф, ведь если бы они чего-то хотели со мной сделать, то еще днем нашли бы способ мне насолить. Успокоив себя этими мыслями я, расслабив свои булки, с облегчением стал погружаться в сладкий сон. И вроде бы я уже задремал, как вдруг из туалета возвращается этот маленький пиздюк и таким проникновенным ласковым голосом говорит:

– Миша, я все посмотрел, воспитателя на этаже нет...

В долю секунды меня прошиб холодный пот, а в дальнем углу отчетливо послышалось:

– Ну что, просыпайся, **НОВЕНЬКИЙ!**

Еще мгновение я лежал неподвижно, пытаюсь оценить си-

туацию. Может, пронесет? Ебать-колотить, хоть бы пронесло! Но вот слышу, как заскрипели кровати, и послышались шаги босых ног.

С возгласом:

– НУ ГДЕ ТЫ, СУЧЕНЫШ! – стоя мародеров кинулась к моей кровати, а я в прыжке леопарда ломанулся прочь из спальни. Выскакиваю в игровой зал, с ужасом осознавая, что отбиваться-то нечем – ножку от табуретки со страху позабыл схватить! Мать твою! Куда бежать? Кидаюсь обратно в спальню в надежде опередить нападающих, да поздно уже – вся толпа ломится в дверной проем. В ужасе отскакиваю обратно и со всей силы врезаюсь задницей в эти дурацкие обеденные столы – на дворе же ночь, ни черта не видно, хоть глаз выколи.

И тут так удачно под руку ложится стул! Точно такой же, как в школах, с металлическим каркасом и деревянными вставками. Рывком выдираю его из-под стола и с разворота швыряю в толпу. На весь этаж раздается жуткий грохот разбитого стекла. Оказывается, я попал в остекленную створку двери, ведущую в спальню. Этот поступок возымел потрясающий эффект – от грохота сильно испугались мирно спящие дети и от всей души завыли во всю глотку. Этот расклад обескуражил нападающих. Ничего подобного они не ожидали, впрочем, как и я.

Начался какой-то лютый пиздец: дети ревут, мой стул уже летит в меня обратно, я хватаюсь за второй – благо, запас

«боеприпасов» у меня обширный. Бросок – и снова страшный грохот, затем снова и снова. Мы буквально обкидывали стульями друг в друга в темноте.

Мне казалось, что это продолжалось целую вечность, а в действительности – меньше минуты. Внезапно в зале включился свет, а вместе с ним раздался громкий крик:

– Прекратите сейчас же! Я сказала прекратить! – это блажили ночные сторожа, чей голос действовал крайне отрезвляюще.

В одно мгновение все замерли. Включенный свет открыл моим глазам картину с предсказуемым названием «Пиздец обыкновенный». Разбросанная повсюду мебель, разбитые стекла двери и следы крови на полу говорили о том, что битва тут была нешуточная. Как позже выяснилось, парни порезали ноги о битое стекло, пока пытались укрыться от моих летающих стульев.

В ту же секунду чувствую, как мое лицо начинает страшно гореть. Я посмотрел вниз, и тоже вижу капли крови на полу. У меня были разбиты губы и ободраны локти – видимо, в порыве боя я совсем не ощущал прямые попадания от противника.

Эта шайка сволочей, естественно, заявила, что они абсолютно не виноваты. Вот только тут была не больничка – воспитатели прекрасно понимали, что произошло, но делить нас на хороших и плохих они не спешили. По их мнению, мы все заслуживали порицания и наказания по всей строго-

сти устава, а это пахивало чем-то жутко серьезным сродни расстрелу через повешенье.

На крик и шум с первого этажа прибежали две какие-то девчонки, воспитанницы приюта лет 15—16, и принялись без разбору отвешивать подлещиков по головам мародеров.

– Вы кому тут врать вздумали? Мы же знаем, что это вы все устроили!

Девчонки были явно в авторитете и имели боевой характер, за что я их тут же окрестил «амазонки». Эти девчонки, на мое удивление, встали на мою сторону! Они даже не знали, как меня зовут, но буквально грудью отстаивали мою невиновность. Лишь позже я узнал, что парни заранее хвастались всем, что устроят хорошую прописку «новенькому», тем самым заложив себя с потрохами.

Не помню, сколько продолжался этот балаган, но вскоре послышались чьи-то громкие шаги в коридоре. В дверях появилась крупная фигура мужчины, а за ним наш директор, не накрашенная, заспанная и с жутко озлобленным лицом. Еще бы – ее подняли прямо с постели. До сих пор не пойму, как ей удалось так быстро приехать.

Следующие пару часов был серьезный разбор полетов и массовая раздача пиздюлей поголовно всем от мала до велика. И вот, что я вам скажу, ребята: «лечебная пиздюлина» – это штука жутко полезная. Посудите сами: еще мгновение назад мы с мародерами готовы были друг друга убить, а вот сейчас уже дружно бегали по этажу с вениками, подме-

тая разбитое стекло и собирая разбросанную мебель.

Дабы не провоцировать стороны, воспитатель приказала мне собрать постель и отправляться сегодня ночевать на первый этаж. Думаю, это было грамотное решение – бог его знает, чего эти придурки еще удумают. Нам всем необходимо было остыть.

Я сворачивал свой матрац в рулон, как вдруг раздается предательский грохот. Все разом уставились на пол, а там моя спрятанная ножка от табуретки! Ёб твою мать, вот это подстава! За эту ножку мне пришлось выслушать еще одну воспитательную лекцию, которая закончилась фразой:

– С таким замашками тебе прямая дорога в тюрьму, к БРАТУ!

Было, конечно, очень обидно, однако должен заметить, что вид приготовленной ножки от табуретки показал всю серьезность моих намерений. Забегая вперед, скажу, что больше притеснений со стороны шайки мародеров ко мне не было – всем стало понятно, что со мной лучше не связываться.

– В понедельник всех на «ковёр», а теперь быстро спать! – грубо скомандовала директор в сторону воспитателя и исчезла в темноте коридора.

Я уже спускался по лестнице, когда сверху раздался голос Миши:

– Ты не думай, что все закончилось! На днях Кузя с лагеря вернется, он с тебя по полной спросит за твои выходки, понял!

Молча опустив голову, я побрел на первый этаж. В душе моей опять накатила тоска – кажется, этот бой еще не окончен. В этот момент я больше всего на свете хотел вновь оказаться у себя дома, хотелось проснуться и осознать, что это был всего лишь страшный сон. Мама снова рядом, а на кухне меня ждет горячий чай, и никакие беды нам не страшны.

Но это был не сон. Я лежал в коридоре на диване, молча глядя в потолок. Впереди был новый день и новые сражения.

Глава 3 «КУЗЯ»

На следующее утро после ночного побоища я проснулся настоящей звездой, если можно так выразиться. Ночные воспитатели рассказали всем сотрудникам с преувеличением, какой буйный клиент заселился к ним в приют, и с этих самых пор на меня стали смотреть косо. Если говорить проще – меня попросту невзлюбили. В глаза мне этого никто не говорил, но это чувствовалось в отношении.

Наступил понедельник, и с утра воспитатель попросил меня зайти в кабинет директора, где толпа женщин среднего возраста принялась меня отчитывать за мое «неподобающее поведение».

– И как тебе не стыдно швыряться табуретками и руку на детей поднимать!?! – восклицала одна из них.

– Какие дети? Они же мои одногодки! Они первые на меня напали, а я лишь отбивался! – пытался я хоть как-то оправдаться, но все было бесполезно – в их глазах я был виновен, и точка. Это я потом уже понял, что в таких ситуациях они не имели права кого-то оправдывать. Ведь такое послабление мигом внесет разделение на хороших и плохих, а это раскол общества. Именно поэтому они стыдили и внушали вину каждому, то есть, если вы чего-то натворите, то виноваты все – и хорошие и плохие.

Эта нехитрая методика отлично работала. Теперь дети,

зная, что пиздюлина прилетит всем поголовно, стремились на корню пресекать шалости других ребят. Но порой система давала сбой, как, например, в моем случае.

Сотрудники, не скрывая злости, громко возмущались моим непокорным поведением, а директор в очередной раз стала объяснять:

– Как ты не понимаешь! Приют – это теперь твоя семья, и другой семьи у тебя больше нет!

На что я возразил:

– У меня есть семья! У меня есть брат!

Все женщины внезапно замолкли, выпучив глаза, и одна с издёвкой спросила:

– Это который в тюрьме, что ли, сидит? – в кабинете тут же раздался тихий смех женщин.

– Твой брат – уголовник! Он тебе ничем не поможет. Ему самому нужна помощь, раз он из тюрем не вылезает! А если и вылезет, то кто тебя отдаст ему на попечительство? Он ни одну комиссию не пройдет, его любые органы опеки забракуют.

Немного помолчав, она добавила:

– Твоя семья здесь! И мы единственные, кто сможет реально тебе помочь! И если тебя чего-то тут не устраивает, то проваливай в спецшколу, там тебя быстро научат манерам!

Мне нечего было им ответить. Было очень обидно от такой несправедливости, и все, о чем я тогда мечтал – это просто исчезнуть и больше никогда туда не возвращаться.

В наказание за ночное побоище мы с бандой мародеров получили письменные предупреждения в личное дело и неделю дежурства на этаже. Теперь нам предстояло совместно каждый день подметать полы, прибираться и накрывать на стол еду трижды в день.

Я вышел из кабинета злым на весь белый свет. Хотелось просто взять и куда-нибудь убежать прочь, но на выходе из здания я напоролся на одну из «амазонок», которая меня защищала той роковой ночью.

– Че, предупреждение вlepили, да?

– Угу...

– Че, из-за ночной драки, да?

– Угу...

– Ты так-то правильно поступил. Слабых нигде не любят, теперь тебя будут бояться и больше не полезут, я те отвечаю!

Ее фирменный уральский акцент сильно резал слух. Типичная пацанка, она была в желтом топике, в синих широких спортивных штанах, а на босых ногах красовались розовые сланцы. Просто верх гламура, но в то время это считалось неплохим прикидом для крутой девахи.

– А ты че, покурить вышел, да? – спросила она, доставая из кармана пачку сигарет.

– Нет, я не курю, а разве на крыльце разрешают курить?

– Здесь можно все, главное – не попадаться на глаза воспитателям, а если попадешься, то можно договориться, так что мотай на ус, новенький!

Эту амазонку звали Настя, она была, как и я, сирота, и, как вы могли уже понять, отличалась крайне боевым характером. У нее была уже целая коллекция предупреждений, выговоров, и так далее. Она была практически постоянным гостем на «ковре» по понедельникам, но ее это абсолютно не беспокоило.

Именно она рассказала о теневой части жизни в приюте. Оказалось, здесь вполне можно было жить припеваючи. Можно выбирать за территорию, гулять по вечерам и даже бегать на местную дискотеку. Главное – обоюдно договориться с воспитателем, что все будет аккуратно, тихо и незаметно. Вот только чтобы получить такие льготы, необходимо было быть в добрых отношениях с сотрудниками приюта, а с этим у меня были некоторые проблемы.

Вот с того дня я стал стремиться налаживать коммуникацию в первую очередь с воспитателями, ведь за тобой присматривает не директор, а именно они. И дружить с ними было крайне выгодно. Этот урок я усвоил в первую очередь.

И вроде бы на горизонте замаячила спокойная жизнь, как вдруг в одно прекрасное утро в приюте появился какой-то здоровый крепкий парень. Был он смуглый от природы, нос картошкой, его крупные черты лица напоминали о том, что человек произошел от обезьяны. Он важно расхаживал по этажу и вел себя по-хозяйски, будто он здесь директор. В нем чувствовалась сила, один только пронизывающий взгляд серо-зеленых глаз внушал дикий страх. Вокруг

него сразу закружились дети, и даже воспитатели. Стало очевидно, что он здесь какой-то уважаемый человек.

«Наверное, бывший обитатель приюта?» – подумалось мне.

– Дима вернулся! – восклицали воспитатели, а рядом бегающие ребятишки радовались, будто наступил какой-то праздник.

У меня даже настроение поднялось. Что это за Дима такой? Как вдруг один из детей кричит:

– Кузя! Кузя приехал!

Вот тут я и высрал кирпич. Ебать ту Люсю! Это же им угрожал Миша! Этот Кузя подошел ко мне и, не протягивая руки, сразу выставил условия, от которых у меня кровь в жилах замерла.

– Слышь, новенький! На тебя сильно жалуются, так что после ужина выходи на веранду, будем разбираться! Ты меня услышал?

Это было крайне неприятное знакомство. Чего греха таить, я в ту минуту был на волоске от того, чтобы сорваться в побег.

В тот ужин я просто не смог поест. Кусок в горло не лез, настроение было паршивым, но деваться было некуда. Встреча на веранде смахивала на третейский суд, где судья в лице Кузи решал мою дальнейшую судьбу. Там же я встретил всю банду мародеров во главе с Мишей, и, к своему удивлению, амазонку Настю.

Разговор сразу пошел на повышенных тонах. Громче всех орал Миша: что я «гнусный беспределщик, без повода распускаю руки, ноги и хватаюсь за табуретки, что по жизни я нехороший человек, и меня надо «гасить».

– Да он же по всей сути не прав, Кузя! С него по полной надо спрашивать! Хуле тут церемониться!

Признаться честно, я и не надеялся на удачный исход этой разборки. На протяжении всего времени все вокруг внушали мне, что я не прав, и в какой-то момент я и сам начал в это верить. Скажи человеку сто раз, что он дурак, на сто первый раз он и сам в это поверит. Но случилась какая-то фантастика: Кузя молча выслушал претензии, а затем предоставил мне ответное слово, задав наводящий вопрос:

– Ты зачем мальчишек поколотил?

– Так они в больничке мои вещи потрошили, когда у «домашнего» пацанёнка еду отбирали, мне что, молча за этим наблюдать, что ли?

Эти слова абсолютно перевернули картину. Меня впервые слышали.

– Так, стоп! – оживился Кузя и перевел свой волчий взгляд в сторону Миши. – Это вот они твои вещи трогали?

– Да!

Лицо Кузи перекосила кривая улыбка:

– А Миша на тот момент знал, что ты «не домашний»?

Вот тут я заметил, как же ловко Кузя подобрал фразу – «не домашний», ведь слово «сирота» – это очень обидное

слово, и его стараются не произносить вслух. Это равносильно слову «ниггер» в присутствии темнокожего.

– Мы с Мишей еще в первый день познакомились, и он изначально был в курсе, кто я и откуда.

Против таких слов возражать Миша не мог, и, как только он признал этот факт, случилось немыслимое! Этот смуглый бугай Кузя взорвался в праведном гневе на всю шайку мародеров.

– Ну и кто же тут не прав, Миша? Если вы, суки, у своего же вещи отжать пытались!

Я был уверен, что этот крик слышали воспитатели, но никакой реакции с их стороны не было.

– А как, Миша, называют тех, кто у своих ворует?

– Крыса! – внезапно воскликнула Настя, от которой не было слышно ни звука за все время разборок.

– Все верно! КРЫСА! Ты, сука, попутал, видимо, когда пришел за помощью ко мне, думал, я такой дурак, без разбору людей наказывать стану, да? – Кузя говорил внятно и четко, каждое слово буквально резало слух.

Миша молча уставился в пол. Ему нечего было ответить на такие претензии, зато у Кузи было объективное предложение.

– Ты, Миша, справедливости ищешь? А вот тебе шанс! Если тебя не устраивает мое мнение, то давай по-честному: выходи один на один против новенького? Если вывезешь претензию – считай, твоя правда!

Этот расклад абсолютно менял дело, ведь драться с щуплым Мишей было абсолютно не страшно. На этот раз все было по-честному. Я сделал шаг назад, чтобы у меня был маневр от возможного удара, а ребята, не дожидаясь ответа Миши, молча расступились по углам веранды, невербально показывая, что драка должна состояться в любом случае.

В таких ситуациях, даже если ты получишь по еблу, ты все равно сохранишь статус нормального пацана, потому что не струсил отвечать за свой базар. Но решение Миши было для всех шокирующим – он отказался от схватки. Не наблюдая поддержки в глазах подельников, он просто харкнул себе под ноги и что-то пробубнил про неважное здоровье, и что идти против коллектива не собирается.

Вот так был окончательно решен вопрос всего конфликта с бандой мародеров, и я впервые за длительное время смог спокойно дышать полной грудью.

Трасса Екатеринбург – Железно-Уральск, наши дни

Я с неподдельным любопытством выслушал историю Саши о том, как он прошел прописку в приюте. И вроде бы все было понятно, но вопросов меньше не стало.

– А Кузя-то откуда там высрался, его ведь изначально не было?

– Так он почти месяц был в летнем лагере на Черном море, нам раньше от губернатора давали путевки, и вот Кузе в тот год повезло больше, чем остальным.

– Получается, после того случая тебя стали уважать?

– Уважать? Ты чего! От меня просто отстали и позволили мне спокойно жить! А вот уважение пришло постепенно. Все началось с городского пруда...

Глава 4 «СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ»

г. Железно-Уральск, 2003 год

В тот год выдался на редкость жаркий август, и вода в местных водоемах была относительно теплая. Именно этот факт послужил причиной сорваться в побег с приюта, чтобы искупаться на городском пруду. Заручившись негласным разрешением у воспитателя, я вместе с парнями во главе с Кузей перемахнули через забор и аккуратно свалили в горизонт.

По факту, я был не местным, и знать не знал, где этот пруд и чего там вообще происходит. Моя фантазия рисовала красивую набережную с отдыхающими людьми и хорошим пляжем. И каково же было мое удивление, когда мы пришли к какому-то болоту! Никакого пляжа, у берега кругом росли камыши, казалось, что из-под ноги сейчас выскочит ондатра! Отвратительное местечко, надо признать, но, как говорится, с волками жить – по-волчьи выть.

Парни влетели в воду и давай плескаться с криком:

– Ох, вода горячая! Парное молоко!

Воодушевленный этими возгласами, я следом заскакиваю в воду и прям чувствую, как яйца к горлу подкатили, слово сказать страшно – точно выскочат! Вода ледяная, ну просто

звездец, но по местным меркам она считалась очень теплой, а мне так не показалось, знаете ли. Думаю, отступить некуда, да и стыдно скулить перед парнями, не поймут. Делаю шаг, а там – йобана рот! Под ногами будто насрали! Кто босиком шагал по илистому дну, понимает, о чем я говорю: ощущение, что ногами месишь какашки, еще этот запах стоялой воды, ну просто непередаваемые ощущения.

Стою с кислой миной, делаю вид, что доволен, ради приличия проплыл чуток по кругу и быстрее на берег. Трясусь, значит, от холода, полотенец-то, естественно, никто не взял, да и кто их нам даст в приюте? Вдруг слышу в стороне у тропинки дикий крик:

– Э-э-э! Че за хуйня, пацаны! Нашу полянку заняли!

Я оборачиваюсь и вижу толпу обезьянок разного возраста. Вели они себя крайне дерзко: подбежали, и давай ногами пинать наши вещи.

– Ты еще раз вещи тронешь, я тебе ноги выломаю, понял? – сказал я одной обезьянке в надежде уговорить беспредельщиков.

– А пошел ты нахуй! Это наше место!

На берег вылез Кузя и по-отцовски вlepил задире хорошего подлещика, и вся свора вмиг побежала прочь. Как оказалось, он хорошо был знаком с этой компашкой дегенератов. Это были ребята из многодетных семей алкоголиков, и разобраться, кто там кому кем приходится, было невозможно (родители спаривались по принципу перекрестного

опыления), поэтому они все искренне считали себя родными братьями.

– Слышь, Саня, сейчас они нажалуются старшим братьям, надо будет чуток пообщаться. Но ты не ссы, я их всех знаю, быстро решим вопрос.

Вот эти слова, они вообще не внушали мне спокойствия. Все мое нутро кричало мне, что нужно отсюда валить скорее, но Кузя, закурив сигарету, уселся на поляне в ожидании гостей.

И вправду – минуты не прошло, как прибежали три крепких парня с мелким пиздюком.

– Вот он! Вот этот вот! – кричал мелкий паршивец братьям, указывая на меня пальцем.

В голове мелькнуло: «Какого хрена? Это же Кузя леща обезьянке прописал, я-то тут причем?»

Парни уставились на нас, а затем расплылись в улыбке:
– Кузя, бля! Вернулся, что ли?

И пока они пожимали друг другу руки, у меня камень с души свалился. Слава богу, они оказались товарищами – это в корне меняло расклад, и я был уверен, что мне бояться нечего.

А тут как раз остальные наши парни вылезли из воды, стали разводить костер – в общем, все пошло по легкому сценарию. Я уже успел разжать анус, как вдруг эти три дебила стали в открытую расспрашивать Кузю про меня.

– А чё, это кто такой? Он, типа, новенький у вас, да?

А чё, пацан-то нормальный, не хромает? (не имеет ли косяков за душой).

Кузя, молча докуривая сигарету, развел руками в сторону. О боже! Этот жест был одновременно простым и очень многоговорящим, и вскоре я на своей шкуре это ощутил.

Ко мне подошел один из дебилов и с улыбкой на лице стал чего-то расспрашивать. В его голосе чувствовался подвох, и разговор получился примерно таким:

– Ты же Саня, да? Слушай, Саня, а ты же новенький, да? А ты будешь вот с моим братом драться?

Так, стоп, чего-о-о-о? Какого хрена вообще происходит? Я молча смотрел на Кузю и видел его хитрый прищур. Вот сука, вот же подстава! Я мигом сообразил, что это проверка, поэтому гордо ответил:

– С кем драться, вот с этим, что ли? БУДУ!

Дебил вернулся к своим братьям, что-то обсудил и вернулся с еще более ебанутым предложением.

– А ты вот с двумя согласен драться?

Прошу учесть, что все это он говорил таким ласковым и проникновенным голосом, с улыбкой маньяка на лице! Этот процесс переговоров явно доставлял ему удовольствие. А у меня тем временем уже кирпичи из штанов начинали сыпаться. Все парни молча курили и смотрели на мою реакцию. Ну, а я в свою очередь молча кивнул головой, дав согласие на драку с двумя.

Дебил вновь подбежал к своим, они чего-то посоветова-

лись, и тут вижу, как по лицу расползается кривая ухмылка у ребят. Им почему-то было весело, а мне вот шуточки совсем не пришлись по вкусу. Дебил делает шаг в мою сторону, и я вижу, как он на ходу сжимает кулак. Сука! Бить меня сейчас будет! Поднимаю взгляд на Кузю, и вижу абсолютно холодный, по-настоящему волчий взгляд его серых глаз. Твою мать, он зритель, они тут все зрители! Поддержки не будет! А дебил с ласковым голосом и ухмылкой на лице чего-то начинает говорить, двигаясь ко мне навстречу, но его речь я уже не слушал. С размаху бью кулаком ему прямо в носогубный треугольник, черт знает, куда именно, но попадаю удачно! Щелчок – и дебил, замолкая, оседает на задницу. Тут же на меня кидаются его два брата, и, конечно, хотелось бы рассказать, как я их всех уделал, но это не так. Они лихо стали накидывать кулаками, словно кувалдами, сверху вниз, прям деревенский стиль! Отхватив пару ударов по своей голове, пытаюсь отбиваться, но все как-то неудачно – как не махну рукой в ответ, всё мимо, и ноги по траве скользят.

Что в таких случаях нужно делать? Правильно! Либо бежать, либо еще раз бежать! Но я ж в трусах, и босиком! Поэтому я выбрал верную тактику скакать по узкой полянке, пытаюсь хоть как-то увернуться от града ударов. Как я на ногах устоял – до сих пор не пойму, а ведь если бы упал, то запинали бы мгновенно.

Сколько это продолжалось, сказать трудно, но все прекратилось в один миг, когда Кузя ловко одернул обоих, ухватив-

шись за шиворот.

– Уймись, псы!

– Кузя, хуле ты лезешь, он же сам подписался с двумя драться!

– Пусть сначала оденется! У вас на ногах сапоги, а он тут босоногий скачет!

Кузя протянул мне одежду и толкнул ногами мои кроссовки, мол, одевайся резче! Сейчас уравнием шансы!

Меня всего трясло и колотило от стресса. Пока я натягивал штаны, эти два дебила подняли с земли поверженного брата, а у того морда была хорошо замешана соплями с кровью.

– Ах, как удачно попал, – приговаривал Кузя, прикуривая очередную сигарету. Неприглядный вид крови отрезвил братьев, они заметно поникли. А Кузя, разминая плечи круговыми движениями, приговаривал: – Ну, че вы там стоите, выходите в центр, щас продолжать будем!

Деваться некуда. Я вышел в центр, ожидая продолжения, а самого трясет, будто отбойный молоток в руках держу. И вот тут наш накал страстей пошел на спад! Братья, увидав, что Кузя разминает плечи, а я не намерен сдаваться, начинают чего-то бубнить, типа:

– А че он первый-то бьет! (охуеть, логика у дебилов)

Видимо, их смутил тот факт, что они не смогли повалить меня босоногого, а сейчас я был в кроссовках, пусть и в китайских, и опрокинуть меня стало в разы сложнее. Они по-

нимали, что сейчас я буду бить в ответ гораздо удачнее, чем прежде, и еще со мной в паре Кузя. Это в корне меняло расклад. И, глядя на разбитый поросячий пятак брата, они поняли всю тщетность бытия и принялись улаживать конфликт словесно. Разговор закончился буквально ничем. Кузя лишь спросил:

– Ну, как вам новенький? Есть желание еще раз потягаться?

В ответ послышался отборный мат, пусть и оскорбительный, но мне было плевать – я был безумно рад, что этот дурдом закончился.

Мы шагали обратно в приют. Шоковый эффект постепенно проходил, как вдруг я почувствовал нарастающую боль по всему лицу – оно просто горело, а на голове всюду повывлезали шишки. Эти братья очень здорово меня поколотили, но сломать не смогли. Вот с этих самых пор меня, наконец, зауважали не только в приюте, но, как выяснится позже, даже станут узнавать на улице.

Больше всего в той ситуации меня огорчило отношение Кузи и ребят с приюта: никто из них не помог мне в трудный момент. Тогда Кузя объяснил мне, что таким образом меня проверяли, чего я вообще из себя представляю как человек.

– С этого дня я за тебя горой, Саня, потому что ты наших кровей!

Все это звучало, конечно, круто, но, тем не менее, тогда я вдруг понял, что пусть я и сирота и нахожусь в окружении

таких же ребят, однако родства с ними не ощущал. Это было четкое чувство, что я свой среди чужих...

Трасса Екатеринбург – Железно-Уральск, наши дни

Этот эпизод из воспоминаний Саши крепко вошел в мою память. Меня поразили средневековые нравы и нездоровая жестокость, которая царила даже среди своих ребят. Устроить нечестную драку, чтобы проверить, чего из себя представляет новенький...

Стоит отметить, что в те годы и я сталкивался с подобными приколами, только в моем случае драки были более честными – один на один, ради спортивного интереса, и максимум до первой крови. Но в случае с Сашей это была прямо патологическая жестокость, такие шутки не могли закончиться добром. Впрочем, так оно и случится, но до этого мы еще дойдем, а пока наше путешествие продолжалось.

Мимо пролетали заснеженные пейзажи уральских лесов, как вдруг открылась бескрайняя степь, и на горизонте показался Невьянск.

– Слушай, Саша, ну вот ты себя поставил в приюте, отметился на улице, а ты ведь должен был переходить в 11 класс. Расскажи, как там у вас в приюте был организован учебный процесс, у вас была своя школа?

– Нет, конечно, нас возили на автобусе в обыкновенную среднюю школу по соседству. Кстати, забавно, что ты про нее спросил, ведь в той школе я был точно таким же новеньким,

как и в приюте, и там тоже предстояло себя поставить.

– Дай угадаю! Тебя заставили пиздиться с директором один на один, да?

– Хах! Было бы забавно! Но, к моему счастью, к приютским там относились с опаской, и лишний раз старались с нами не связываться, пока Кузя был в школе...

– Погоди, а он разве потом куда-то исчез?

– С наступлением осени в приюте все круто изменилось. Я даже предположить не мог, что вскоре среди воспитанников займу место лидера... Но обо всем по порядку!

г. Железно-Уральск, 2003 год

В конце августа на мою сберегательную книжку пришли какие-то деньги, и воспитатель повела нас на рынок, чтобы мы могли приодеться к предстоящему школьному сезону. Бюджет, естественно, был крайне ограничен, поэтому пришлось брать все самое необходимое и дешевое. Вот тогда я впервые ощутил себя по-настоящему приютским, потому что мы были одеты все одинаково... одинаково хреново!

Мой класс почти наполовину состоял из сирот, поэтому я освоился там относительно легко. Со мной в классе был Кузя и Настя-амазонка. С такими ребятами точно не пропадешь. Но с первых же занятий у Кузи никак не складывались отношения с учителями. Стоит ли говорить, что уроки часто срывались, а преподаватели в слезах убегали из класса?

Так продолжалось недолго: в один из дней Кузю вызвали в приюте на ковер, где в ультимативной форме потребовали прекратить саботаж в школе и, наконец, взяться за голову.

– И чего вы мне сделаете? – с ухмылкой спросил Кузя. – В тюрьму отправите, да?

– А вот и отправим! В спецшколу поедешь!

Разразился страшный скандал, и Кузя в сердцах заявил, что не желает доучиваться в 11 классе, и готов хоть завтра уехать в техникум на базе 9 классов. Расчет Кузи был очень хитрым: в нашем городе не было техникумов, а в соседнем

городе Серове были. Таким нехитрым образом он смог бы переехать из приюта в студенческое общежитие, где назойливые воспитатели не имели такую власть, как здесь.

Такой расклад устроил абсолютно всех – и администрацию приюта, и школы, и сам Кузя был очень доволен решением этого вопроса. В тот момент все выдохнули с облегчением, а я почему-то загрустил. Кузя хоть и был трудным человеком, но с ним в приюте был железный порядок.

Администрация приюта быстро договорилась со строительным техникумом, куда Кузя еще успевал попасть в учебную группу. И, как водится, перед отъездом он решил накрыть поляну, так сказать, проставиться за отъезд. Об этом, естественно, узнал директор и поставил в дежурство самую подлую воспитательницу, Валентину Михайловну, которая люто ненавидела всех нас.

Эта старая дура ночью устроила настоящую засаду возле пожарной лестницы, где схватила парней с полным пакетом еды и спиртного. Услыхав, что наш караван захвачен, мы выскочили всем скопом, пытаясь защитить ребят, стали пытаться урезонить конфликт, искали возможность решить проблему обоюдно. Но все было тщетно – воспитатель не желала идти на уступки, она осыпала нас оскорблениями, в лоб заявив, что мы «ОПУХОЛЬ ОБЩЕСТВА», которую необходимо выжигать каленым железом. Последней каплей стала фраза в адрес наших матерей, о которой я даже не хочу говорить, и этого уже никто стерпеть не смог.

Валентина Михайловна была заслуженно избита в ту ночь. Особое упорство проявила Настя, та самая амазонка с горячей кровью. Она расшибла бутылку водки об дурную голову воспитательницы, и это стало началом конца для всего костяка приюта. Кузя уже на следующее утро был отправлен на учебу в соседний город, а всю вину за произошедшее взяла на себя Настя. В то утро я видел ее в последний раз. Она курила на крыльце, а мы с ребятами отправлялись в школу с поникшими головами.

– Саша! – окликнула она меня, докуривая сигарету.

– Что?

– Саш... Ты, главное, человеком оставайся!

Больше Настю я никогда не видел. Вернувшись после школы, мы узнали, что за ночное происшествие ее, по решению комиссии, отправили сначала в спецприемник для несовершеннолетних, а уже оттуда, спустя время, отправили в ту самую спецшколу Екатеринбурга. Забегая вперед, скажу, что позже из той спецшколы придет письмо, а в нем фотография Насти. Ее долго будут показывать всем воспитанникам приюта в назидание непокорным.

На том фото она, в нелепой одежде, стоит одна у кирпичной стены, в руках держит платок, а на голове абсолютно нет волос...

Глава 5 «БЕСПРИЗОРНИКИ»

г. Железно-Уральск, 2003 год

После того, как Настю отправили в спецшколу, а Кузю депортировали в Серовский техникум, я буквально впал в депрессию. Незавидна жизнь сироты – даже друзей завести не успеваешь, в любой момент могут раскидать по разным городам. Особо нелегко пришлось в школе. За приютских ребят больше никому было заступиться, и таким нехитрым образом младшие постепенно стали смотреть в мою сторону, мол, помоги, Саша, рассуди, кто не прав!

Шли дни, и постепенно рос мой авторитет, но меня это абсолютно не радовало – наоборот, это была постоянная головная боль. Чуть что не так, сразу – Саша! Угомони своих! Саша, надо пойти поговорить, и так далее.

Все это превратилось в серую рутину с бесконечными разборками, пока в один прекрасный день мое внимание не привлекла очень приятная девушка из параллельного класса. Звали ее Надя, и стала она для меня настоящим лучиком света в темном царстве.

Мне удалось с ней познакомиться в столовой, когда мы накрывали столы на обед. Она никак не могла поднять поднос с тяжелыми кружками. Вот тут я и проявил свое джентль-

менство и помог ей его донести.

Не успел я с ней перекинуться парой фраз, как вдруг за спиной послышался характерный кавказский акцент:

– Я смотрю, у тебя здоровья много, да?

До меня докопался какой-то южный парень – ему, видите ли, не понравилось, что я заговорил с девушкой, на которую у него были свои планы. И пока я пытался разобраться, чего он от меня хочет, сбоку подошел второй «француз», как две капли воды похожий на первого! Это были два брата-близнеца из Армении, звали их причудливо: Арман и Армэн. И вот эта разница в одной букве в их именах для меня стала просто непобедимой задачей. Я по сей день не смогу их отличить и понять, кто из них кто, а в то время – тем более, поэтому прозвал их просто – «Братья Армани». Вот с этими братьями у меня сразу же не сложились отношения. С первой секунды разговора вели они себя крайне дерзко и вызывающе.

– Я смотрю, у тебя здоровья много, да?

– Чего?

– Ты же новенький тут? Так вот что я тебе скажу, новенький! Это не твоя девушка, и ходить за ней не надо. Еще раз увижу возле нее, буду по-другому разговаривать, понял?

– Понял...

Они были главными задирами в школе, и никто с ними не желал лишней раз связываться. Я, собственно, и сам не горел желанием там воевать, поэтому я временно прекра-

тил подкатывать к Наде в открытую. Решил, что нужно будет чем-то ее удивить, сделать так, чтобы она обратила на меня внимание.

И все изменилось в один день, когда на каком-то школьном мероприятии два приезжих студента станцевали брейк-данс под песню «Freestyler» группы «Bomfunk MC's». И это была настоящая революция!

Знаю, что в 2003 году брейк-движение уже умирало, и песня была не новой, но мы жили-то в провинции! И вот, наконец, мода дошла и до нас! Танец произвел какое-то фантастическое впечатление, все девки буквально ссали в потолок кипятком. И вот тогда-то мы и сообразили, чем нужно заниматься, чтобы быть четким пацаном. Я был твердо уверен, что, если смогу научиться брейк-дансу, то Надька точно обратит на меня внимание, и мы будем счастливы, а эти братья Армани пусть пасут барашков в горах.

С этих самых пор мы стали собирать повсюду VHS-кассеты с клипами или репортажами, где хоть кто-то танцевал брейк, и до дыр пересматривали их, пытаясь разучить эти необычные движения. Площадкой для занятия изначально выступил наш родной приют, где мы по выходным торчали в игровом зале (там было покрытие пола из линолеума) и покадрово рассматривали записи, пытались понять, как делать «гелик», крутиться на руке или на голове.

Общее увлечение очень сильно сплотило нас в приюте, со временем позабылись разборки с Мишей, и отношения

в конечном итоге наладились.

Брейк-движение так быстро набрало популярность во всех школах, что администрация города официально открыла секцию брейк-данса в местном доме культуры. Это была настоящая победа. Теперь у нас была общая площадка, где мы могли делиться своими знаниями и навыками.

Но все надежды рухнули крахом после первого же посещения этой секции. Вместо желающих научиться танцу я обнаружил там сборище беспризорников и прочих уебанов. Вместо того, чтобы чему-то учиться, они, наоборот, всем мешали, постоянно ко всем прикапывались, искали повод для драки. Неудивительно, что в итоге они докопались и до меня. Я снимал с себя куртку, когда раздался бычий голос:

– Э-э-э! Левый! Ты куда куртку кладешь!

Ко мне подскочил смуглый конопатый уёбок с жирными невымытыми волосами и желтыми нечищеными зубами. Его лицо было какой-то неправильной анатомической формы и очень напоминало морду крокодила, поэтому его все звали Гена, по аналогии с крокодилом Геной из мультфильма про Чебурашку. Забавный факт – настоящего имени Гены я не знаю по сей день, но это не важно! Важно было другое – этот уёбок прикопался ко мне, и сейчас мне предстоял очень неприятный разговор.

– Ты слышь? Я это тебе сказал! Куртку свою убери! Это наша скамейка, и левым тут не место!

И тут же слышу, как его подручные шавки стали сбоку

подсирать чего-то из разряда:

– Да-да! Левый! Ты иди отсюда, понял!

Передо мной высралась интересная бригада грязных немых беспризорников из неблагополучных семей (до сих пор не пойму, почему их не распихали по приютам и детским домам?). И возглавлял эту бригаду этот смуглый конопатый Гена. Он был там неоспоримым лидером и очень острым на язык. Было видно, что он развит не по годам и умеет внушать мысль своим суровым слогом.

– Но ведь это общая секция для танцев, разве не так?

– И че теперь! Ты че-то хочешь, левый?

– Я танцевать пришел, ты че пристал?

– Слышь левый, ты вот куда хочешь, убирай свою тряпку, но вот эта скамейка наша, и не мозоль мне тут глаза...

Мне нечего было ответить этим ублюдкам – их была целая толпа, а я какого-то хрена пришел из приюта совсем один. Жаль, рядом не было Кузи. Ох, мы бы тогда потолковали.

Вот там же из толпы беспризорников ко мне прикопался интересный персонаж по имени Митя, и первое, что он спросил с улыбкой на лице, была до боли знакомая фраза:

– А ты сможешь побить вон того парня? – тычет в сторону какого-то незнакомого чувака.

– Не знаю, а что случилось?

– Не, ну просто, давай, ты подерешься с кем-нибудь?

Ну твою же мать! На сердце стало так тошно, что я вновь нарвался на конченого дебила, у которого развлечением счи-

талось просто взять и с кем-то подраться, или заставить кого-то другого подраться. В общем, этот Митя оказался точно таким же конченым мудаком, как те три брата на городском пруду.

И вот, пока я бродил по дому культуры, осознавая, что никакой секцией брейк-данса тут и не пахнет, этот Митя рассказал мне много всяких историй о себе и своих товарищах. Просто зацените его образ мышления и осознайте, на каком каменном уровне остановилось развитие у этого парня.

– Мы с пацанами развлекаемся так! Это приколы у нас такой – всем предлагать драться, это очень весело! Я, короче, брату младшему предложил, давай потягаемся? Пообещал, что сильно бить не буду, и, короче, ему с ноги как дал в грудак, тот аж дышать забыл, как! (брату, кстати, лет 7, не больше). Вот, короче, ты вот можешь человека убить? А я, короче, вот, могу! Как в боевике, я знаешь, чего видел? Вот, короче, там мужик одному негру в рот трубу забил, и тот умер... Вот спорим, я так же могу? Не, ну ты скажи, что спорим, и я те отвечаю, вот покажу, как убиваю! Я ваще могу, мне не страшно! А ты убивать умеешь?

Я молча стоял и охуевал, вот другого слова подобрать, увы, не могу. И, наверное, простой обыватель решит, что Митя просто гнул понты, чтобы выглядеть в моих глазах крутым, но это было не так. Весь ужас ситуации заключался в том, что Митя был абсолютно серьезно настроен. В тот момент я даже близко не предполагал, что все так запущено.

Насмотревшись ужасов на танцевальной секции, я вернулся в приют, где объективно рассказал ребятам, что в доме культуры делать нехуй, поэтому мы продолжили тренировки по месту нахождения.

Постепенно у нас стало что-то получаться, и все было бы нормально, если бы не одна маленькая проблема. Наш внешний вид! Мы все были, как из инкубатора, в одинаковой одежде, а мне так хотелось полностью белые кроссовки и крутой спортивный костюм, как в клипах, но где же это все взять?

Вот тут и созрела первая острая необходимость раздобыть деньги, а как это сделать – я понятия не имел. Кузи уже не было, Амазонки тоже, поэтому пришлось спрашивать у Мишки, предводителя мародеров. Поскольку к тому времени сильнее меня в приюте никого не осталось, он быстро сообразил всю выгоду союзничества со мной и оперативно обрисовал варианты непыльного заработка на карманные расходы.

Первый вариант меня буквально шокировал. Миша предложил найти мужиков, желающих купить на ночь умственно неполноценную воспитанницу приюта, естественно, несовершеннолетнюю. О да-а-а-а! Вот она, неприятная правда о российских приютах. К сожалению, такие вещи там происходят, не повсеместно, конечно, но такое бывает.

Звали ту девочку Ольгой, и было ей примерно лет 16. Была она очень буйной, часто закатывала истерики, драки с вос-

питателями. И да, вы правильно все поняли – время от времени Миша с мародерами трахали ее в туалете, а порой ее как бы передавали желающим развлечься за небольшую плату. Однако она ни о чем не подозревала. Ей говорили:

– Хочешь забухать на халяву с мужиками?

– Конечно, хочу!

– Ну, вот и пиздуй!

И Оля с удовольствием сбегала из приюта по пожарной лестнице на такие оргии к дядькам, в баню или на квартиру. Все было секретно и конфиденциально, иначе эту лавочку давно бы уже прикрыли. Парни получали свой гонорар, мужики – секс, Оля – бухло, и все были счастливы!

Но мне было как-то мерзко заниматься такими вещами, я не сутенер. А деньги были очень нужны. Вот тогда Миша посоветовал интересный бизнес:

– Можно охранять машины!

– Сторожем, что ли?

– Да не-е...

Оказывается, раньше практиковался у ребят такой интересный промысел в центре города. Возле большого монастыря по выходным постоянно крутились толпы туристов и паломников, многие из них приезжали на откровенно дорогих автомобилях, и вот парни придумали банальный, но очень действенный способ заработка: группа ребят дежурила у автомобильной стоянки возле храма, и когда туда подъезжал очередной джип, они вежливо предлагали при-

смотреть за автомобилем. Разговор выглядел примерно следующим образом:

– Дяденька! А давайте я за вашим автомобилем присмотрю, чтобы ничего с ним не случилось?

Эта фраза означала: «дай мне немного денег, и я ничего не сделаю с твоим авто!» Согласен, выглядело это не очень красиво, но тогда мне это показалось лучше, чем продавать больную Ольгу в постель непонятым педофилам.

В субботу с утра мы с Мишкой, втайне от всех, заручившись негласным разрешением от воспитателя, свалили в центр города на промысел. Я предвкушал огромный куш и никак не мог уgomониться, докапываясь до Миши.

– А много денег просить?

– Лучше не называть сумму...

– А сколько обычно дают?

– Ну, смотря какой автомобиль.

– А сколько за день бывает...

– Заткнись! – оборвал меня на полуслове внезапно напрыгшийся Миша. – Плохо дело... Там, у храма, парни крокодила Гены торчат, суки! И сюда залезли уже!

Возле арки у входа в храм я увидел группу беспризорников, которые, не стесняясь, клянчили милостыню у проходящих туристов.

– Так они же у входа торчат, а мы, вроде как, на стоянке работать будем?

Миша долго мялся, никак не решаясь подойти ближе,

словно чувствовал, что теперь это чужая территория.

– Мы идем или нет? – спросил я раздраженно, не скрывая своего недовольства.

Миша чего-то пробубнил и затем внятно выразил свою мысль:

– Короче! Пока Гены там нету, работаем аккуратно, лучше немного подальше от входа, чтобы этим шакалам глаза не мозолить. Если что – мы тупо гуляем, ничего не знаем, всех шлем нахуй!

На мое удивление, наше появление осталось незамеченным. Со стороны попрошаек не было никакой реакции, они занимались своим делом, а мы – своим. Все действие было крайне банальным: мы бродили по стоянке в ожидании приезда новых туристов.

– Главное – дождаться машину подороже! – бубнил под нос Миша, прикуривая сигарету.

На стоянку заехало пару отечественных автомобилей. Я взглянул на Мишу и по его флегматичному выражению лица понял, что это не наши клиенты. И вот, наконец, на стоянку въезжает черный «Лэнд Крузер». Миша мгновенно ожил и побежал к водителю. Я лишь обрывками слышал его разговор, был он до жути банальным:

– Дядя, у вас машина красивая, а хулиганов вокруг много! Дядя, а давайте я за вашей машиной присмотрю, чтобы никто не поцарапал?

Пузатый мужик с усмешкой выдал ему купюру и вальяж-

ной походкой пошел в храм.

– Ну что! Сколько дал? – меня раздирало любопытство, это же целая купюра! Не какая-нибудь там мелочь, а бумажка!

– Полтинник! – с улыбкой заявил Миша. – Теперь твоя очередь, следующий дорогой автомобиль – твой. Отечественные тачки обрабатывай, как хочешь, с них навару никакого.

Я был в диком восторге! Вы хоть знаете, что такое 50 рублей в 2003 году? Можно было сладостей обожраться до упора! Пломбир 5 рублей стоил, а газировка – 8 рублей! Но я преследовал иную, более важную цель, нежели банальные сладости – мне нужны были крутые белые кроссовки, а это круче любого пломбира, знаете ли.

В свой первый раз я очень нервничал, переживал, что если подойду к владельцу с такими разговорами, то мне тут же прилетит по шее. Но все это были напрасные страхи. Люди приезжают в храм грехи замаливать, и вот тут срабатывает психология человека, желающего стать ближе к богу. А как это сделать? Правильно! Помочь деньгой нуждающимся, пусть немного, но совесть, кстати, успокаивает.

Вот таким нехитрым и довольно веселым образом к двум часам дня я настрелял с Мишей рублей 500, точно! Настоящее богатство! Я уже оперативно прикинул, что за пару выходных можно заработать на все, о чем я так давно мечтал, главное – чтобы погода была не такой суровой. Стоит заме-

тить, что на дворе была уже поздняя осень, и замерзли мы основательно.

Я уже хотел было предложить Мише завершить промысел, но он заверил, что после 15:00 сюда подъедут машины с Челябинской области, и тогда можно будет еще чуток срубить денег.

И вот стою, трясусь от холода, соплю по ноздре гоняю туда-сюда, как вдруг слышу знакомый бычий крик:

– Э-э-э! Сюда подошел!

Вглядываюсь в сторону арки и вижу! Сука, крокодилья морда с желтыми нечищеными зубами! Это был Гена...

Я не совсем понимал, что нужно делать в таких случаях. Вопросительно смотрю на Мишу, а он, как назло, замер, будто онемел, а позади вновь раздалось:

– Ты че, сука, оглох там, что ли! Я сказал, сюда подошел!

Глава 6 «ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ»

г. Железно-Уральск, 2003 год

Попытка заработать денег возле храма провалилась с треском после того, как там объявился предводитель беспризорников, Гена. Увидав его, Миша тут же сунул свои деньги мне в руки.

– На, убери подальше, он сейчас все отбирать будет!

Гена не унимался и продолжал орать на всю округу:

– Я сказал – сюда подошел!

– Тебе надо, ты и иди! – выкрикнул я, понимая, что за эти слова мне сейчас придется поплатиться.

Идти к нему я не собирался. Это было бы чистым самоубийством – там, возле арки, была толпа его прихвостней, и они бы вмиг нас «обработали». И, по-хорошему, надо было тупо бежать, но все мое нутро кричало – кто он такой, чтобы меня гонять по городу?

Он подошел к нам с каким-то высоким крепким парнем и сходу толкнул меня в плечо, провоцируя драку.

– Ты, сука, глушеный, что ли, я не понял? Какого хуя тут третесь, вам кто разрешил?

Крепкого парня звали Ёжик, и он следом повторял все, что делал Гена – то есть, так же толкнул меня в плечо, так же стал спрашивать. В общем, обычный прихвостень, правда, было видно, что он физически сильнее Гены.

Они стали выпытывать, много ли денег мы заработали, и первым делом стали давить, естественно, на Мишу, как на самого слабого.

– Деньги есть?

– Нету... – пробурчал Миша, опустив голову, а ведь в целом он не соврал – все деньги-то были у меня. Гена не унился и, наконец, прозвучала знаменитая на всю Россию фраза:

– Отвечаешь, что денег нет?

– Отвечаю...

– А че найду, всё моё?

Вот эта гениальная по своей сути фраза ставила оппонента в полностью безвыходное положение. Она давала право обыскать карманы жертвы, и если бы ты начал сопротивляться или признаваться, что у тебя кое-что есть, то ты переходил в разряд ПИЗДАБОЛОВ, а за это, по любым понятиям – хоть по блатным, хоть по пацанским, с тебя полагался спрос.

Миша, словно послушный баран, раздвинул руки в стороны, и ублюдки внаглую стали шарить в его карманах. У меня от всего происходящего глаза на лоб полезли.

– Вы хуле творите, беспредельщики!

На мой возглас Гена среагировал мгновенно: в один пры-

жок подлетел ко мне и с ноги ударил в область бедра так, что у меня нога мгновенно отсохла.

– Тебе хуле тут непонятно, черт! Это наше место, и нехуй тут шастать!

Я пятился назад, прикрываясь руками от пинков, а следом уже летел Ёжик с точно таким же ударом, повторяя те же слова. Вот что мне было делать в такой ситуации? Конечно, хотелось их всех отхуярить в говно, чтобы они плакали, как побитые шлюхи, но их было двое, и они были крепче. Мишу как бойца я в расчет вообще не беру – он был немым зрителем.

В тот день нам удалось уйти с деньгами, но эти позорные пинки ногами я помню по сей день. Сопротивляться было себе дороже – я бы никому и ничего там не доказал, а если бы из арки храма на помощь прибежали шавки Гены, то мы вообще могли остаться и без денег, и без здоровья, и даже без обуви.

– Вот приедет Кузя, мы этого Гену землю жрать заставим! – сокрушался Миша, пытаясь меня подбодрить. Я ничего не ответил ему, лишь молча разделил деньги честно пополам, чему он был безумно рад.

Вопрос заработка оставался открытым: работать у храма было нереально, воевать против беспризорников у меня не было ни ресурсов, ни сил. Но, как водится, всю проблему решил случай.

В очередную пятницу я отправился на городской рынок

прикупить себе шапку для брейк-данса. Напрягите память: помните, в начале 2000-х были очень модные черные вязаные шапочки с рожками, в советском союзе их носили вдоль головы и называли «Петушок», а мы, значит, носили их поперек, и, богом клянусь, пройдет время, и они снова вернуться в моду.

В общем, пришел я на рынок поздно, после уроков в школе, и торговцы уже сворачивались. Стою, выбираю фасон, чего-то примеряю, и вот подобрал то, что нужно, спрашиваю продавца:

– Почем отдашь?

– 250 рублей!

– Чего-о-о-о?

У меня, конечно, была такая сумма на руках, но это был перебор. Красная цена этой шапке – рублей 150 максимум, но торгош ни в какую не уступал в цене. Вдруг позади меня пожилой усатый мужичок говорит:

– Парнишка, подсоби, пожалуйста!

У его ног стояли огромные баулы в виде клетчатых сумок, набитые вещами. Мужичок попросил дотащить их до автомобиля. Надо заметить, сумочки были очень тяжелые, но отказать в помощи совесть мне не позволяла.

В общем, пока я помогал мужичку, из рядом стоящего автомобиля женщина попросила сделать то же самое. Я уже был не рад такому счастью. Расправился я, значит, с сумками, весь взмок, будто из бани сбежал, думаю: «Хорошо

за шапочкой сходил!»

И тут этот мужичок из баула достает рогатую шапку! Точно такую же, которую я только что мерил у жадного торговца!

– Держи, парнишка! Заслужил!

Он отдал мне шапку **БЕСПЛАТНО!** У меня дар речи пропал. Для меня это был очень дорогой подарок. Но самое главное – в тот день у меня родилась гениальная идея заработка денег на городском вещевом рынке!

Уж не знаю почему, но в том же Екатеринбурге на Таганском рынке давно были мужики с тележками, всякие склады хранения и «помогайки», а на нашем железно-уральском рынке не было ровным счетом **НИЧЕГО.**

С этих самых пор каждую пятницу после уроков я отправлялся на городской рынок и помогал торгашам таскать баулы по 10 рублей за штуку. Сначала у людей возникали ко мне некоторые вопросы, но когда узнали, что я из приюта, стали меня подкармливать и относиться с уважением. Еще бы – я был единственный сирота, который выбрал честный путь заработка, в отличие от моих коллег. Все было на честном слове, и за все время моей работы ни один торговец ни разу меня не обманул. Вот таким образом у меня появился первый постоянный доход на карманные расходы, а также отличные связи с торгашами.

Вскоре я смог раздобыть все, о чем мечтал прежде: у меня появился крутой костюм «Адидас», естественно, китай-

ский – на рынках других попросту не было, и знаменитые полностью белые кроссовки «BOND», или «BONA». И сносу им не было от слова совсем – в них можно было, как говорится, и в пир, и в мир, и в добрые люди.

Вот так я стал сначала самым модным в приюте, а затем стал выделяться в школе, а под самый новый год, наконец, случился мой звездный час. В школе объявили, что в местном доме культуры будет проходить какой-то сборный концерт, где от каждой школы требовалось подготовить выступление.

Вопрос о том, что будем показывать, даже не стоял. Все и так знали – устроим брейк-данс шоу! Мы подсмотрели танец у группы FLYING STEPS в клипе «Breakin’it Down», и это был настоящий фурор!

Круче нас были только вареные яйца! Меня распирало от своей крутизны, появилась уверенность в себе. И на гребне волны своей популярности мне удалось добиться внимания от великолепной Нади. Мы стали часто общаться, и как-то после школы она пригласила меня к себе в гости!

Впервые за долгое время я оказался в настоящей домашней обстановке, ощутил это непередаваемое чувство уюта и спокойствия, которого мне так не хватало. Мы пили чай, о чем-то болтали, много смеялись, и я ощущал себя счастливым человеком, ведь девушка, от которой я был без ума, обратила на меня внимание! Мой план сработал!

Стоит ли говорить, что этот поступок мгновенно сделал

меня врагом №1 для братьев Армани. Они хотели надрать мне задницу, но я почему-то их не боялся. Любовь! Что тут еще скажешь?

Как-то раз они поймали меня у приютского автобуса после уроков. Водитель, сука, сделал вид, что ничего не видит. Они кричали и открыто угрожали мне расправой, если я не прекращу общаться с Надей.

Я уже был готов с ними подраться, как вдруг возле нас остановилась красная тонированная девятка, откуда вышел отец этих ребят и стал ругать сыновей на армянском, показывая пальцем на сирот. Я нихрена не понял, чего он им говорил, но с тех пор они на какое-то время от меня отстали.

Шло время, и наступил новогодний бал в школе. Мы договорились встретиться на дискотеке, и в тот вечер я купил плюшевого медведя для Нади на свои последние сбережения. Я хотел подарить его и пригласить ее на танец. Думаю, лучшей обстановки для этого просто не сыскать. Меня одолевало волнение, ладони предательски потели, а ее все не было.

И вот прошли выступления от классов, вот нас поздравляет директор, и всем вручают праздничные кулечки с набором конфет, а ее все нет и нет.

– Может, случилось чего? – спрашиваю Мишку, но тот, натолкав полный рот конфет, лишь махнул рукой, мол, все будет нормально.

И внезапно я ловлю себя на мысли, что сегодня в шко-

ле я не видел братьев Армани. Их вообще не было. В ту же секунду в мою голову полезли дурные догадки, сердце еще сильнее заколотилось.

– Может, они ее обидели, может, они что-то сделали с ней?

А дискотека уже была в самом разгаре. Ко мне подошла пара девчонок и стали угощать конфетами, звать на танцпол, но я был тверд. Сначала нужно дождаться Надю, иначе получится неудобно, если я на ее глазах буду плясать с девчонками. Тут уж никакой плюшевый медведь не поможет, поэтому я вежливо отказал девчонкам.

Как водится на таких вечерах, школьники активно пили и курили, естественно, в туалете. Миша опрокидывал очередную порцию водки, закусывая все мандаринкой, а я не мог найти себе места.

– Да куда она могла пропасть-то, уже дискотека скоро закончится, а ее нет нигде!

– Не парься ты, придет твоя Надя, куда она денется! – подбадривали меня парни.

– А братья Армани сегодня вообще где?

– А хер их знает! Они у нас крутые, наверное, где-то в центре со старшими зажигают.

Выхожу из туалета и слышу, как диджей объявляет в микрофон, что на этом дискотека подходит к концу, и звучит фраза:

– А сейчас – «белый танец»! Дамы приглашают кавалеров!

Сломав голову, я вбегаю в актальный зал и глазами ищу Надю. Это должно случиться сегодня, мы точно будем вместе! Но ее нигде нет...

Я уже начинаю медленно паниковать, как вдруг со спины на мое плечо ложится женская рука. В долю секунды у меня с души падает камень.

– Слава богу, ты приш...

Но вместо Нади я вижу ее подружку с хитрыми глазками. Она любезно пригласила меня на медленный танец.

– Прости... Я не могу... Понимаешь...

Она начинает громко смеяться, а затем, наклонившись ближе, спрашивает:

– Надю свою ждешь?

– Угу...

– Глупенький! Ты ей даром не нужен! Давай лучше со мной?

– Не могу...

– Она не придет, слышишь? Она с Армэном в центре на дискотеке зажигает! Ты еще не понял, с кем связался? Ты ей нахуй не нужен!

Меня словно током ударило. Что за вздор она несет?

– Ты врешь! Скажи, что ты пошутила!

Она лишь засмеялась и пошла приглашать на танец другого кавалера.

А у меня кровь вскипела в жилах. Я кинулся в раздевалку за одеждой, а ребята кричат:

– Ты куда собрался, за нами автобус сейчас из приюта приедет!

Ничего не объясняя, я сбежал из школы в центр города, с медведем подмышкой. Я бежал что было сил. Морозный воздух обжигал мне легкие, и хотелось кашлять, я задыхался.

Вот так, без остановки, я добежал до местного дома культуры, где проходила пятничная дискотека. У крыльца стоял народ, люди курили, пили, а на фоне играла какая-то попсовая дрянь. Я высматривал в толпе Надю.

Решив, что она внутри, я попытался пройти в здание, но вход преградила женщина-билетер:

– Вход – 30 рублей!

А у меня, как назло, с собой не было ни копейки – все на медведя потратил.

– А можно, я зайду подругу посмотреть? Я на минуту, честно!

– Знаю я ваше «честно», хрен потом выгонишь! Либо оплачивай, либо проваливай!

Я попытался что-то возразить, но женщина крикнула в сторону:

– Володя! Убери дурного!

В тамбур вошел зрелый мужик, который молча вытащил меня за шиворот на крыльцо и толкнул в сторону.

Вокруг раздался смех зевак, а я стоял, потупив взор, с дурацким медведем в руках. И чего делать в таких случаях,

хрен его знает. Тогда мне в голову пришла светлая мысль искать братьев Армани, таким образом исключив главную угрозу.

Моя тактика была верной: городок небольшой, армян не так много, и этих ребят в центре точно знали. Спросив пару человек, я получаю ответ, что они точно на дискотеке. Что ж, тогда придется подождать.

Очень быстро я околел от холода. Перчаток с собой не было – видимо, позабыл в раздевалке. Стою, рук не чувствую, понимаю, что время уже много, и в приюте наверняка меня объявили сбежавшим. Проблем я себе, конечно, заработал, будь здоров.

Уже хотел уходить, как вдруг из здания стали выходить люди. Я подбежал к крыльцу и стал высматривать, и вот вижу Надю! Она, веселая, шагала с подругами, на ходу застегивая куртку.

– Надя! – кричу ей вслед.

– Ой, Сашка! А ты чего тут делаешь, как же дискотека в школе?

– Я думал, увижу тебя там, ты же обещала...

– Да мало ли чего я обещала! Передумала – и все, что в этом такого?

От ее слов у меня пропал дар речи. И тут из здания выходит один братьев Армани, подходит сзади и обнимает ее за плечи.

– Надя, иди в машину, холодно здесь.

У меня аж искры из глаз посыпались.

– Арман, отстань от нее!

– Я вообще-то Армэн! И я тебе говорил – это не твоя девушка, не нужно к ней подходить, тебе чего тут непонятно?

Я молча смотрел в глаза Нади, ожидая ее ответа. Мне было плевать, чего там Арман/Армэн говорит, у меня кровь просто кипела в жилах.

– Ну, а чего ты ожидал? – внезапно заговорила Надя. – Ты же сирота! У тебя ни кола, ни двора, ты нищий!

– Чего? – переспросил я, не веря своим ушам.

– Ну, кому ты такой вообще нужен? Вот что ты можешь мне дать? Что ты можешь вообще кому-то дать?

Каждое ее слово буквально разрывало мне сердце. Я не мог поверить, что она говорит такие слова. Я не был виноват в том, что осиротел – так сложилась судьба, никто от этого не застрахован, но кому до этого есть дело?

К нам подъехал автомобиль, за рулем сидел второй брат Армани.

– Садитесь, чего стоите! – пробубнил он. И они молча стали усаживаться в салон. Надя обернулась и напоследок сказала:

– Мы разного уровня люди, Саша, тебе следует искать любовь в приюте, среди таких же, как ты.

– Возьми медведя, он ведь ни в чем не виноват, – сказал я, осознавая, какую чушь я сейчас ляпнул.

– Другой бабе подаришь... Не люблю я тебя!

Она хлопнула дверь, и красная тонированная девятка уехала прочь. Братья Армани и вправду были крутые – в их 17 лет отец давал им свой автомобиль, а у меня в руках был никому не нужный плюшевый медведь.

Той ночью в приюте разразился страшный скандал. За свой побег я получил строгий выговор. Это означало, что следующий мой залет будет для меня последним, и я отправлюсь в спецшколу к Насте.

Но мне было плевать. Я много думал над словами Нади, и мне было больно осознавать, что в её словах была чистая правда.

В новогоднюю ночь под бой курантов я загадал самое заветное желание, о котором я мог только мечтать – обрести свою семью...

Глава 7 «ОЗЛОБЛЕННОСТЬ»

г. Железно-Уральск, 2004 год

На новогодние каникулы в приют приехал Кузя и, наверное, это было единственное радостное событие в тот период. И первое, на что я обратил внимание – это серые невзрачные наколки на его руках. Сюжет рисунков был незамысловат: кинжал какой-то, череп, пару кривых надписей, что-то из серии «ЛОЖЬ» или «БОЛЬ». Отличительной чертой этих наколок было их откровенное кустарное производство. Сейчас над такими рисунками вы бы посмеялись, но тогда, в том возрасте, это казалось дико крутым и выглядело по-взрослому.

– Это ты где такие портаки себе наколол?

Кузя важно закатал рукава и стал показывать наколки, объясняя их скрытый смысл. Сейчас я уже не помню, чего они означали, но апогей настал, когда он снял с себя кофту и показал наколку в виде головы волка на левой груди.

– Волк – символ независимости, означающий смелость и твердость твоего характера, – вот так объяснил эту наколку Кузя. В целом, этим рисунком он подчеркнул свою натуру, но важное было другое. С его слов выяснилось, что в общении строительного техникума он сдружился с очень се-

рзными ребятами, которые успели отмотать срок в колонии для несовершеннолетних. Они быстро сблизились с Кузей, признав в нем своего по духу человека. Собственно, вот там он и нахватался это блатной романтики и набил себе эти наколки.

– В этом мире никто ничего тебе не принесет на блюдечке, Саша, все необходимо брать самому! Все, как в дикой природе – выживает сильнейший.

Кузя делился своей философией и отношением к миру, рассказывая, как они с друзьями промышляют рэкетом в общежитии, а порой и грабежами пьяных прохожих на улице.

– Там, в общежитии, кругом сопляки домашние. Они, как овцы, все изнеженные, от титьки мамкиной вчера оторвались, ходят, сопли жуют. Сам бог велел их прессовать! Там, Саня, теперь наша власть! Быстрее заканчивай свою школу и давай к нам, в строительный техникум. Познакомлю тебя со своими ребятами, будем нормально жить, совместно развиваться.

Его слова звучали одновременно жутко и в то же время любопытно. Кузя очень сильно изменился, как мне тогда казалось, в сильную сторону – он же реально в наших глазах еще круче стал.

– Вот ты бывал в сауне?

– Не-а...

– А мы с парнями каждый месяц там гуляем, девочек заказываем, они тебе сами все делают, ничего просить не нуж-

но. Это тебе не блаженную Ольгу в туалете трахать! – сказал Кузя, переводя взгляд на Мишку-мародера. – В общем, Саня, мотай на ус, что в Серове для тебя подготовлен плацдарм. Я тебя там жду, и вместе мы точно не пропадем!

С этими наставлениями Кузя отправился по гостям, а я погрузился в тяжелые раздумья. После того, как я бы отвергнут некогда любимой девушкой, мир для меня вновь окрасился в серый цвет. У меня пропал интерес к учебе, меня больше не интересовали занятия по брейк-дансу, в жизни осталось мало вещей, которые могли меня хоть как-то порадовать.

После обидных слов Нади я поймал себя на мысли, что стал предвзято относиться к «домашним» ребятам. Они внезапно стали для меня чужими, и во мне впервые зародилась ненависть к тому, что у них все есть, а у меня ничего нет.

На этом фоне зловещее предложение Кузи перебраться в Серов и держать совместно общежитие стало выглядеть вполне заманчиво. И уже тогда я наметил свои дальнейшие перспективы. Впервые за долгое время на горизонте замаячила хоть какая-то цель.

А тем временем в приюте закрутился очень непростой сюжет: своего плюшевого медведя, которого я хотел подарить Наде, я отдал на этаж к девочкам, в игровой зал. Там этого медведя внезапно облюбовала блаженная Ольга. На вопрос, чей это медведь, ей отвечали – это Саша подарил!

Фраза «подарил» в ее голове засела совсем под неправиль-

ным углом, и она внушила себе мысль, что этот подарок был сделан ей от меня, как бы тайно. Понимаете, чем это пахнет?

Вот так в один день я стал объектом ее повышенного внимания и, наверное, со стороны это может показаться забавным, но на деле все было иначе. Как я уже озвучивал ранее, Оля отличалась крайне неустойчивым поведением и, к сожалению, страдала приступами психопатии вкупе с постоянным желанием заниматься сексом.

С тех пор она стала наведываться к нам на этаж в обнимку с медведем и всячески привлекать мое внимание. Я, конечно, как мог, старался объяснить, что к чему, но ей было откровенно похуй.

На одной из прогулок она подбежала ко мне с гениальным предложением:

– Ты мне нравишься, пошли, потрахаемся в туалете, пока воспитатели на улице?

Сразу объясню, что внешний вид у нее был непрезентабельный: она была тучной, страшной, как моя жизнь, девкой, и, если говорить откровенно, у меня на нее попросту не стоял член.

Я не нашел ничего более оригинального, чем сказать, что люблю другую, но это только осложнило ситуацию. Поняв, что ее любовь безответна, она стала меня люто ненавидеть, часто ругалась в мою сторону, затем начала плевать.

Мое терпение было не безграничным, и в какой-то момент мы стали с ней дико срать. Не в смысле «какать в штаны»,

а ругаться до посинения. Естественно, доходило до кулаков – она хлестала, я отбивался. Воспитатели, конечно, пытались вмешаться, но если со мной еще можно было договориться, то с ней этот фокус был бесполезен. Меня до сих пор мучает вопрос, какого хуя ее не отправили в дурдом сразу?

В конечном итоге, на фоне всех обстоятельств у меня стало сносить башню, и я постепенно становился озлобленным человеком. В школе, выслушивая какие-то претензии в адрес воспитанников от «домашних» ребят, я предлагал решать их только дракой.

– Ты че-то хочешь от приютского, что ли? Давай, после школы, в саду со мной или с ним один на один, я тебе отвечаю, все по-честному будет!

Такая грубость, конечно, меня не красила, но я и не стремился кому-то угодить. С Надей я старался больше не пересекаться, от самостоятельности в школе я принципиально отказался, и жизнь для меня превратилась в серую рутину.

В самом приюте на меня возложили негласную обязанность успокаивать неугомонных детей, не желающих ложиться спать после отбоя.

Если ночные воспитатели или сторожа попросту выводили ребят и ставили их босиком на холодный кафель в туалете, то я придумал более щадящий и эффективный способ – **СТУЛЬЧИК!**

По своей сути это был изуверский способ успокоить любого непоседу. Его суть была проста: я брал мальчика и заставлял

его принять позу сидящего на стуле, прислонившись спиной к стене. Уже через пару минут ноги даже самого выносливого пиздюка начинали трястись, и они падали попой на пол. Я вновь их поднимал, и упражнение повторялось раз за разом. Таким нехитрым образом за каких-то 10—15 минут я успокаивал всю группу.

Сейчас, конечно, это все звучит жестоко, но тогда это было довольно весело. Помню, как-то попался один гиперактивный мальчуган, который бегал ночью по кроватям и мешал всем спать.

– Ну что, раз ты бегаешь, значит, ты не устал сегодня. Пойдем, посидим на стульчике!

Выстоял парень минут пять – почти рекорд! И вот его уже трясет, и тут он жалобным голосом сквозь слезы выдает:

– Дядя Саша! Стульчик!

– Чего со стульчиком?

– Сту-у-у-у-ульчик падает!

И шмякается на пол. Повторять упражнение уже не пришлось – он уснул, как убитый, но фразу эту я запомнил на всю жизнь. С тех пор каждый раз, когда я дико уставал или таскал что-то тяжелое, я приговаривал:

– Стульчик! Стульчик падает!

Кто был в курсе темы, тот дико с этого смеялся.

Со временем у меня практически атрофировалось чувство жалости. Думаю, эта моральная деформация произошла из-за образа жизни и пребывания в приюте.

Апогеем этого состояния служит один жесткий пример, который произошел вскоре после того, как я отверг ухаживания блаженной Ольги. Не найдя мою вымышленную возлюбленную, она решила действовать по принципу «так не доставайся же ты никому».

Во время отбоя, дождавшись, когда ночной воспитатель уснет, она, как настоящий диверсант спецназа ГРУ, сняв обувь, пробралась на второй этаж, на рабочем столе взяла ножницы (советские такие, полностью металлические), и вошла к нам в спальню.

Кстати, я как изначально спал возле выхода, так там и остался. Удобное местечко, чтобы аккуратно сбегать, никого при этом не разбудив.

В общем, лежу и сквозь сон слышу, как кто-то крадется. Да ну нафиг, показалось! И тут раздается предательский скрип дверей. Спасибо плотнику-распиздю, что не смазал петли, иначе была бы беда.

Поворачиваю голову и вижу, как эта сука в прыжке леопарда кидается на меня и с размаху ебашит ножницами в область горла. Благо, реакция сработала быстрее, и я успел обхватить голову руками, прикрыв шею.

От охватившего меня ужаса и ярости я начинаю орать, как с ума сошел, а удары не прекращаются. Я вскакиваю и наотмашь начинаю махать руками и ногами. Чувствую, как нога вошла во что-то мягкое. Ага! Оля, сука!

С диким воплем я схватил ее руки и вырвал эти прокля-

тые ножницы, а в спальне уже такой шухер! Кто помладше – ревут, кто постарше – на подмогу кинулись.

Попытались ее коллективно скрутить, а она, сука, буйная, ну ни в какую не дается! Тогда решение вопроса пришло в голову само: надо ее ебашить кулаками, как парня!

С размаху я влепил ей пару раз в её «шаньгу», и так удачно, аж на душе полегчало. Прибежавшая на шум ночной воспитатель была в ужасе от происходящего. Кое-как ей удалось уgomонить Ольгу. А я до утра не смог глаз сомкнуть – все время казалось, что она снова крадется.

Наутро в области шеи я обнаружил пару безобидных царапин. Советские ножницы, на мое счастье, оказались тупыми, как сама блаженная Ольга. Отдельное спасибо производителям, в том числе и производителям Ольги – будь она чуть умнее, взяла бы с кухни нож, и сейчас меня бы уже не было.

Я был уверен, что после этого случая ее точно упекут в спецшколу или в психбольницу, но, кроме строгого выговора, ей ничего не прилетело.

– Какой, к черту, выговор? Вы там головой своей думаете вообще? Она же убить меня хотела! – сокрушался я на директора приюта, но в ответ я получил лишь какие-то глупые пояснения, что не мне решать судьбу человека.

За этот поступок Ольгу, конечно, стали осуждать и стыдить все воспитатели, ну а мы стали ее чморить. Миша вообще ляпнул:

– Я тебя больше трахать не буду! (Вот угроза, прям вну-

шает!)

Оля, находясь под таким серьезным давлением, стала закатывать истерики и, увидев ее в очередной раз на втором этаже, воспитатель попыталась ее выгнать, а та вскочила на подоконник и, открыв створку окна, стала кричать на весь этаж:

– Я выброшусь из окна! Если вы не будете разрешать, что я хочу, я выброшусь!

– Олечка, не делай глупостей, давай поговорим! – пыталась успокоить ее воспитатель, уже пожалевшая, что затеяла с ней ссору.

– Я сделаю это!

Услышав крики, я понял, что сейчас случится очередной пиздец, поэтому мигом побежал на второй этаж и, увидев ее, у меня словно забрало упало на глаза. Ни секунды не раздумывая, я разбежался и с ноги вытолкнул ее из окна.

– Да сдохни ты уже, сука!

С криком Оля исчезла в оконном проеме, а воспитатель в ужасе схватилась за голову и кинулась к подоконнику.

– Ты убил её, Саша! Ты убил её!

Оля лежала пластом в здоровенном сугробе и делала вид, что умирает. Но, не выдержав холода, она выползла на дорожку и легла поудобнее там.

Этот цирк наблюдал весь приют, в том числе и сотрудники. Стоит отметить, что убивать ее я не собирался – высота небольшая, да и снег под окна дворник постоянно накиды-

вает. Я просто хотел ее проучить. Но сам факт, что я уже мог творить такие вещи, наводил на меня настоящий ужас. Что же со мной стало? Когда я так успел озлобиться? Эти вопросы терзали меня и не давали покоя.

После этого случая решением комиссии Ольгу отправят на обследование в психиатрическую больницу города Красноурьинска, где она задержится на длительный период. Ну, а мне грозила спецшкола, чему я был крайне не рад.

– Ну, и что ты прикажешь с тобой делать? Ты хоть понимаешь, что я могу уже сегодня выписать тебя с приюта, и ты поедешь очень далеко?

Директор промывала мне голову, а я даже ничего не говорю ей в ответ. Мне было уже настолько плевать, что я просто молча смотрел в пол.

– Ты думаешь, что ты кому-то нужен, кроме нас? Ты ошибаешься, мы единственные, кто о тебе реально заботится, а ты тут пакостишь, сбегашь, людей из окон выкидывашь! Ты что, хочешь пойти по стопам своего брата?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.